

С. А. САЖИНА (СЫКТЫВКАР)

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

Abstract. Implementation of the Grammar Categories of the Verb in the Language of the Kirov Permians

This article is devoted to the description and definition of the specific grammatical categories of the verb in the Upper Kama dialect of the Komi-Permyak language. The work reveals the reasons behind the changes in the formation and distribution of the morphological units that make up the categories of person, number, tense, mood, aspect and voice.

Keywords: Komi-Permyak language, Upper-Kama dialect, morphology, verb, grammatical category.

0. Язык кировских пермяков — говор небольшой этнической группы коми народа, проживающей в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области в деревнях Илюши, Порубово, Рагоза, Пашино, Меркучи, Карасюрово, Першино, Порошино, Ромаши, Мироново, Московская, Авериные, поселке Афанасьево. Эта уникальная форма коми языка развивалась в определенных исторических и социальных условиях, изолированность от основного ареала распространения коми диалектов, влияние окружающих русских говоров, отсутствие письменности и литературного языка способствовали формированию в говоре специфических особенностей.

Данная разновидность коми языка не служила объектом специального исследования. Некоторые ее особенности отражены в статье Г. А. Нечаева и в обобщающем труде Р. М. Баталовой. Коми-пермяцкий языковед Г. А. Нечаев, один из членов Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка при Московском филиале Общества изучения Коми края, летом 1928—1929 гг. изучал говор зюздинских пермяков (1930 : 1—21). Крупнейший коми диалектолог Р. М. Баталова в работе «Коми-пермяцкая диалектология» язык кировских пермяков выделяет в особое наречие — верхнекамское. Небольшой по объему раздел она посвятила описанию его особенностей (Баталова 1975 : 221—223). В последнее десятилетие системное исследование языка кировских пермяков было предпринято Е. Н. Федосеевой и автором настоящей статьи на основе материалов, собранных в экспеди-

циях 2002—2012 гг. (Федосеева 2008; 2008а; 2010; 2015; Сажина 2014; 2014а; 2014б; 2016; 2016а).

В предлагаемой работе анализируются грамматические категории глагола в языке кировских пермяков: выявлены изменения и их причины в образовании и дистрибуции членов грамматических категорий. Эмпирическую базу исследования составили материалы диалектологических экспедиций автора к кировским пермякам. Материал приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в коми диалектологии. Теоретической основой послужила работа Е. А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке», в которой выделяются шесть грамматических категорий: 1) наклонение; 2) лицо-число; 3) время; 4) залог; 5) способ глагольного действия; 6) степени действия глагола (Цыпанов 2005 : 27). Имеющийся материал позволяет охарактеризовать пять глагольных грамматических категорий: лица-числа, времени, наклонения, способа глагольного действия и залога. Категория степеней действия глагола, которая выражает интенсивность/эффективность действия, в работе не рассматривается, так как употребление специальных формантов со значением степени проявления действия в верхнекамском наречии не зафиксировано. Интенсивность/эффективность действия выражается в нем синтаксически, с помощью приглагольных наречий.

1. Категория лица-числа

Категория лица-числа — одна из основных словоизменяющих категорий коми глагола, показателями которой служат лично-числовые суффиксы (Цыпанов 2005 : 57).

Система лично-числовых показателей верхнекамского глагола отражена в табл. 1 спряжения глагола *мунны* 'идти' в трех синтетических временах. Показатели II прошедшего времени не приводятся, так как имеющийся диалектный материал демонстрирует лишь формы 3-го лица: ед. ч. *мунӧма* 'он, оказывается, ушел', *абы/абу мунӧма* 'он, оказывается, не ушел'; мн. ч. '*мунӧмас'/мунӧмӧс'* 'они, оказывается, ушли'; *абы/абу мунӧмӧс'* ~ *абы/абу мунӧмас'* 'они, оказывается, не ушли'.

Таблица 1

лицо/ число		время		
		настоящее	I будущее	I прошедшее
1-е лицо ед. ч.	положит.	<i>муна</i>	<i>муна</i>	<i>муни</i>
	отрицат.	<i>ог мун</i>	<i>ог мун</i>	<i>эг мун</i>
1-е лицо мн. ч.	положит.	<i>мунам(ӧ)</i>	<i>мунам(ӧ)</i>	<i>муним(ӧ)</i>
	отрицат.	<i>ог мунӧ</i>	<i>ог мунӧ</i>	<i>эг мунӧ</i>
2-е лицо ед. ч.	положит.	<i>мунан</i>	<i>мунан</i>	<i>мунин</i>
	отрицат.	<i>он мун</i>	<i>он мун</i>	<i>эн мун</i>
2-е лицо мн. ч.	положит.	<i>мунанӧ</i>	<i>мунанӧ</i>	<i>мунинӧ</i>
	отрицат.	<i>он мунӧ</i>	<i>он мунӧ</i>	<i>эн мунӧ</i>
3-е лицо ед. ч.	положит.	<i>мунӧ</i>	<i>мунас</i>	<i>мунис</i>
	отрицат.	<i>оз мун</i>	<i>оз мун</i>	<i>эз мун</i>
3-е лицо мн. ч.	положит.	<i>мунӧны/мунӧнӧ/муныны</i>	<i>мунасӧ</i>	<i>мунисӧ</i>
	отрицат.	<i>оз мунӧ</i>	<i>оз мунӧ</i>	<i>эз мунӧ</i>

Формы 1-го лица единственного и множественного числа, 3-го лица единственного числа в исследуемом идиоме представлены вполне стандартно, как и в других коми диалектах. Среди лично-числовых показателей верхнекамского глагола особый интерес вызывают положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и I прошедшем временах, а также положительные формы 3-го лица множественного числа настоящего времени.

1.1. Формы 2-го лица множественного числа

В верхнекамском наречии положительные формы 2-го лица множественного числа в настоящем/будущем и прошедшем временах образованы соответственно с помощью суффиксов *-анӧ*, *-инӧ*. Примеры: *мый дырна эшӧ о-л а н ӧ татӧн* 'как долго вы еще пробудете здесь?'; *ти й у-р б и т а н ӧ?* 'вы молитесь?'; *кыз' нӧ ш э-д и н ӧ таччӧ?* 'как вы попали сюда?'; *ы-лыс'-ӧ та-лун л о-к т и н ӧ?* 'издалека ли сегодня вы приехали?'

Идентичные формы обнаруживаются лишь в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка: наст. вр. *гижанӧ* 'вы пишете', *кэ-ранӧ* 'вы делаете'; прош. вр. *мунинӧ* 'вы ушли', *пыринӧ* 'вы зашли' (Баталова 1975 : 183; Пономарева 2002 : 133); во всех остальных коми-пермяцких диалектах рассматриваемые формы образуются посредством *т*-овых маркеров: наст. вр. *-атӧ* (*мунатӧ*), прош. вр. *-итӧ* (*мунитӧ*); в коми-зырянских — наст. вр. *-анныд/-аныд* (*мунанныд/мунаныд*), прош. вр. *-инныд/-иныд* (*мунинныд/муниныд*).

По мнению Р. М. Баталовой (1982 : 140), форманты *-анӧ*, *-инӧ* развились под влиянием формы 2-го лица ед. числа *-ан*; *-ин*. Л. Г. Пономарева (2002 : 129), исследователь мысовско-лупьинского диалекта, подвергает сомнению приведенное предположение, поскольку изменения произошли именно в мысовско-лупьинском диалекте и не затронули другие коми-пермяцкие диалекты. Она полагает, что данные суффиксы в мысовско-лупьинском появились под влиянием соседних верхневычегодских говоров (ср. вв. *-аннид*, *-иннид*). В. В. Понарядов (2002 : 18) эти суффиксы считает рефлексами старых позднепрапермских форм.

Похожие формы с отпадением конечного *-д* бытуют в ряде среднесысольских говоров: *-аны*, *-анны* в настоящем и *-ины*, *-инны* в прошедшем времени: *Мый в и с' т а л а н ы?* 'Что скажете?'; *Мый г о р з а н н ы?* 'Что вы кричите?'; *У д з ӧ д и н ы*, *э г уд'ит л о к н ы с* 'Обделили едой, не поспел вовремя'; *мыйкӧ тай на д з м и н н ы*, *з э л надзӧн к у т и н н ы мунны* 'что-то вы замедлили ход, совсем тихо стали идти' (Колегова, Бараксанов 1980 : 49–51). Варианты *-аны* и *-ины* наиболее близки к верхнекамским и мысовско-лупьинским формам. Можно предположить, что верхнекамские глагольные суффиксы *-анӧ/-инӧ* имели следующее развитие: *-анныд* > *-аныд* > *-аны* > *-анӧ*; *-инныд* > *-иныд* > *-ины* > *-инӧ*. Переход ауслаутного *ы* в *ӧ* мог быть обусловлен влиянием форм 1-го лица множественного числа.

1.2. Формы 3-го лица множественного числа

В настоящем времени положительного спряжения данные формы представлены вариантами с *-öны*, *-öнö* и *-ыны*, их употребление дифференцировано по говорам. Форманты *-öнö* и *-ыны* развились из *-öны* в результате ассимилятивных процессов. Примеры: *круг ыжыд т'э·рöны, йö·к-тöны, пэс'найас с'ы·лöны* 'делают большой хоровод, танцуют, песни поют'; *нö·шöн нö·ш а лöнö л'он* 'колотушкой колотят лён'; *трубайасыс вот тай тшы·нö дöнö* 'трубы вот дымят'; *га·гйас вэт лöнö* 'насекомые ползают'; *ö·ни вэд'уж лöнö* 'сейчас ведь боится тяжелой работы'.

Если форма на *-öнö* встречается и в других коми диалектах (лл, нв., комиП южн.) (Попова, Сажина 2014: 208; Баталова 1975: 186), то вариант *-ыны* не представлен ни в одном из них. Он зафиксирован в южных говорах верхнекамского наречия (дер. Першино. Порошино, Меркучи, Карасюрово) и является новообразованием, как следствие регрессивной ассимиляции. Примеры: *муныны пэс'найасöн, гармошка бос'тасö* 'идут с песнями, гармошку возьмут'; *ас'ны·с с'ы·лыны, йö·ктыны, о·рсыны* 'сами поют, танцуют, играют'; *празнуйтисö и час празнуйтыны* 'праздновали и сейчас празднуют', *н'и·а мö·дкод'эма ба·итыны* 'они по-другому говорят'. В верхнекамском наречии ассимилятивные явления в области гласных представлены довольно широко (*öрö·ш < ырöш, л'ö·мпу < л'öмпу, карс'а· < корс'а, мо·длун < мöдлун* и др.), в связи с этим явление формы на *-ыны* вполне объяснимо.

Кроме форм на *-ыны* в этих говорах в речи некоторых информантов зафиксированы формы с показателем *-ины*: *тэ·чины* 'складывают', *вö·чины* 'делают', *кы·йины* 'вяжут', *гы·ччас'ины* 'качаются', *вэ·шс'асыны* 'обмениваются'. При анализе текстов эти формы воспринимались нами как прошедшее время. Однако во всех верхнекамских говорах они образуются с помощью суффикса — *исö*: *тэ·чисö* 'складывали', *вö·чисö* 'делали, сделали'. Предположительно, данный вариант появляется после мягких согласных, хотя переход *ы* в *и* после мягких согласных для верхнекамского наречия в целом не характерен: *тэнс'ыд* 'у тебя', *с'ыльны* 'петь', *л'эччыны* 'спускаться'.

По образованию форм 3-го лица множественного числа в будущем (*-асö*) и I прошедшем времени (*-исö*) исследуемый идиом примыкает к коми-пермяцкому диалектному ареалу. Примеры: *пыза·н сайö ну·к с'асö* 'за стол сядут'; *дэз кö·р т а л а с ö* 'веревку привяжут'; *коди вэ·рэк сайö му·ни с ö* 'некоторые замуж вышли'; *пö·рыс' йöзыс ба·и т а и с ö* 'старые люди говорили' и др. В коми-зырянских диалектах отмеченные формы образуют суффиксы *-асны/-асни/-асныс/-аныс/-аны* в будущем и *-исны/-исни/-исныс/-иныс/-ины* в прошедшем времени (Попова, Сажина 2014 : 209).

Специфика отрицательной парадигмы спряжения глагола заключается в том, что отрицательный глагол 2-го лица множественного числа в языке Кировских пермяков имеет *н*-овую форму, как и в коми-зырянских диалектах. Примеры: *он му·нö* 'не пойдете', *он с'этö* 'не отдадите'; *эн гижö* 'не пишите', *эн с'ор·н'итö* 'не разговаривайте', *эн воллö сэ·кöсти* 'не приходили тогда'. В коми-пермяцких диалектах — *од/одö, эд/эдö*.

Говоря о выражении глагольной персональности в языке кировских пермяков, следует привести положительную парадигму спряжения глагола *вöлны* 'быть, иметься, существовать', который употребляется только в прошедшем времени (см. табл. 2).

Таблица 2

	единственное число	множественное число
1-е лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
2-е лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>
3-е лицо	<i>вöлин</i>	<i>вöлинö</i>

В верхнекамских говорах формы данного глагола по лицам не различаются. В парадигме закрепились формы 2-го лица. Указание на лицо при этих формах осуществляется посредством личных местоимений, в 3-м лице и существительных. Примеры: *мэ ичöт ышö* · *в ö·л и н* 'я еще маленькая б ы л а'; *мэ эшö томын'ик ны·лочка в ö·л и н* 'я еще молоденькой девушкой б ы л а'; *Быданцэвйас в ö·л и н ö ми* 'Быданцевы мы б ы л и'; *тэ в ö·л и н ичэ·т'ик* 'ты б ы л маленьким'; *кöн ти та·лын в ö·л и н ö?* 'где вы сегодня б ы л и?'; *кöн'у·шина в ö·л и н* 'конюшня б ы л а'; *а·йыс в ö·л и н ко·н'ухöн* 'отец б ы л конюхом'; *о·з'жык эд э·шишöм д'эрэвн'айас в ö·л и н ö ы·жыдöс'* 'раньше ведь деревни такими большими б ы л и'. Причина данного морфологического процесса, возможно, кроется в природе глагола *вöлны* 'быть' — отвлеченного, лишённого вещественного значения и располагающего только грамматическим значением.

2.0. Категория времени

Категория времени — базовая категория изменяемых форм коми глагола, функциональным предназначением которой является выражение глагольной темпоральности (Цыпанов 2005 : 27). В языке кировских пермяков из 11 выделяемых в современном коми языке глагольных времен (Цыпанов 2005 : 122) полные парадигмы имеют четыре: настоящее, будущее простое, будущее сложное и I прошедшее; зафиксирована неполная парадигма II прошедшего времени и единственный случай употребления IV прошедшего времени.

В приведенных таблицах представлены парадигмы спряжения глагола *мунны* 'идти' в настоящем, будущем простом, будущем сложном и I прошедшем временах.

2.1. Настоящее время (презенс)

Таблица 3

лицо	положительная парадигма		отрицательная парадигма	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	<i>муна</i>	<i>мунам, мунамö</i>	<i>ог мун</i>	<i>ог мунö</i>
2-е	<i>мунан</i>	<i>мунанö</i>	<i>он мун</i>	<i>он мунö</i>
3-е	<i>мунö</i>	<i>мунöны/мунöнö/муныны</i>	<i>оз мун</i>	<i>оз мунö</i>

2.2. Будущее I (синтетическая форма)

Таблица 4

лицо	положительная парадигма		отрицательная парадигма	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	<i>муна</i>	<i>мунам/мунамӧ</i>	<i>ог мун</i>	<i>ог мунӧ</i>
2-е	<i>мунан</i>	<i>мунанӧ</i>	<i>он мун</i>	<i>он мунӧ</i>
3-е	<i>мунас</i>	<i>мунасӧ</i>	<i>оз мун</i>	<i>оз мунӧ</i>

2.3. Будущее II (аналитическая форма)

Таблица 5

лицо	положительная парадигма		отрицательная парадигма	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	<i>по-н(д)а вис'та-лны</i>	<i>по-н(д)ам(ӧ) вис'та-лны</i>	<i>ог пон(д)ы вис'та-лны</i>	<i>ог пон(д)ӧ вис'та-лны</i>
2-е	<i>по-н(д)ан вис'та-лны</i>	<i>по-н(д)анӧ вис'та-лны</i>	<i>он пон(д)ы вис'та-лны</i>	<i>он пон(д)ӧ вис'та-лны</i>
3-е	<i>по-н(д)ас вис'та-лны</i>	<i>по-н(д)асӧ вис'та-лны</i>	<i>оз пон(д)ы вис'та-лны</i>	<i>оз пон(д)ӧ вис'та-лны</i>

Формы будущего аналитического образованы сочетанием спрягаемых форм вспомогательного глагола *пондыны* 'начать' в форме будущего времени и инфинитива, выражающего основное значение действия. Отрицательные формы имеют следующую структуру: отрицательный глагол в форме настоящего времени + спрягаемая форма вспомогательного глагола + инфинитив. Вспомогательный глагол реализуется в нескольких фонетических вариантах: часто наблюдается выпадение согласного *д*: *пона*, *понан* и т. д., редко — прогрессивная ассимиляция *нд* > *нн*: *понна*, *поннан* и т. д.; в одном из говоров (дер. Мироново) зафиксировано выпадение *нд* в утвердительных формах: *поа*, *поан* и т. д. Примеры: *п о-н н а эзи вис'та-лны* 'буду так говорить'; *п о-н а с вис'та-лны* 'будет говорить', *п о-н д а с зэрны* 'будет идти дождь'; *мэ-кӧд дача ылын п о-н д а н о-лны* 'со мной на даче будешь жить'; *п о-а нӧ йуа-с'ны, мэ поа баи-тны* 'будете спрашивать, я буду говорить'; *мэ бӧлта-ччыны ог понды* 'я болтаться не буду'; *чэл'а-д'кӧд по-пэрмйацки он понны баи-тны* 'с детьми по-пермяцки не будешь говорить'.

2.4. I Прошедшее время (претерит)

Таблица 6

лицо	положительная парадигма		отрицательная парадигма	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	<i>муни</i>	<i>муним/мунимӧ</i>	<i>эг мун</i>	<i>эг мунӧ</i>
2-е	<i>мунин</i>	<i>мунинӧ</i>	<i>эн мун</i>	<i>эн мунӧ</i>
3-е	<i>мунис</i>	<i>мунисӧ</i>	<i>эз мун</i>	<i>эз мунӧ</i>

2.5. II прошедшее время (модальный перфект)

Глагольные формы модального перфекта образованы с помощью суффикса -*öm*. Собранный материал демонстрирует употребление форм 3-го лица единственного и множественного числа. Дефектность парадигмы модального перфекта в зюздинском говоре отмечал и Г. А. Нечаев: «1-е и 2-е лицо прошедшего II не употребляются» (1930 : 15). В корпусе диалектной речи кировских пермяков нами обнаружен единичный пример использования II прошедшего времени в 1-м лице единственного числа: *а мэ ту чу ж ө м а, двацат' д'эвйатöй год вöлин 'а я р о д и л а с ь, двадцать девятый год был'*. Возможно, формы 1-го и 2-го лица все же наличествуют в речи кировских пермяков, но нам не удалось выявить их.

Таблица 7

лицо	положительная парадигма		отрицательная парадигма	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
3-е	<i>мунöма</i>	<i>мунöмас'</i> <i>мунöмös'</i>	<i>абы (абу) мунöма</i>	<i>абы (абу) мунöмös'</i> <i>абы (абу) мунöмас'</i>

Примеры: *ми-нам ма-мыс тожö с'эмнацат'и годов м у·н ө м а дак 'моя мама тоже в семнадцать лет в ы ш л а замуж'; мэно дак вот й у·к т а л ө м ө с' брагаөн 'меня вот, оказывается, н а п о и л и брагой'; оз'жык ту ытш к а л ө м а с' 'раньше-то, оказывается, к о с и л и'; мама завэшишан'н'э с' э·т ө м а 'мама завещание, оказывается, д а л а'; мийанö кортö эвдокийа бабушка в а·й ө м каша 'нам когда-то бабушка Евдокия, оказывается, п р и н е с л а кашу'; к а й ө м а с' гор ы л а с 'з а б р а л и с ь, оказывается, на печь'; т'ат'а мыр ылö к а·й ө м а, р' а·к с ө м, р' а к с ө м 'отец, оказывается, на пень з а б р а л с я, к р и ч а л, к р и ч а л'; а чэла·д'ыс в ө л ө м а с' ма-маyslön л'у·д·нöөн 'а детей у мамы б ы л о много, оказывается' нэм а б у п у к с' ө д ө м а 'ничего не п о с а д и л, оказывается'; чэла·д' тожно· с' ы·л ө м ө с' 'дети, оказывается, п е л и'.*

Глаголы II прошедшего времени в речи часто заменяются русскими краткими причастиями прошедшего времени. В результате частотность употребления форм неочевидного прошедшего времени снижается. Примеры: *сийа бо·с'тöм пэрэпйо·ка кол'т'и мэным о·мө тыр н а п и х а·н а 'она взяла вкрутую сваренное яйцо и полный рот мн е н а п и х а л а'; н'инка тай гор·тын п р и й э·х а н о 'Нинка, оказывается, домой п р и е х а л а'; ви·зöда тожно· кы·шасöма, сапö·гйас к у·п л'э н ө, куфайка выл'ös к у п л'э н ө, ша·пкаан 'смотрю, приоделся, сапоги к у п и л, фуфайку новую к у п и л, в шапке'.*

2.6. IV прошедшее время (плюсквамперфект)

В коми языке плюсквамперфект образуется сочетанием вспомогательного глагола *вöли* и спрягаемого глагола в форме II прошедшего времени. Удалось зафиксировать лишь единичный случай использования данной временной формы глагола в 1-м лице единственного числа: *мэ с работы в ө·л и н л о к т ө м а, гор ы л ын куйли 'я уже пришла с*

работы, на печи лежала'. Можно предположить, что формы плюсквам-перфекта характерны для идиома, но встречаются очень редко.

3.0. Категория наклонения

В коми языкознании выделяются два наклонения: изъявительное (индикатив) и повелительное (императив) (СКЯ 211—212; ÖКК 231—236).

3.1. Индикатив (изъявительное наклонение)

Глаголы изъявительного наклонения выражают реальное, с точки зрения говорящего, действие. Формальными показателями являются лично-числовые показатели глаголов. По мнению Е. А. Цыпанова (2005 : 53—56), глаголы изъявительного наклонения в связке с частицами образуют аналитические конструкции и выражают различные модальные значения.

1. Оптативное значение выражают глаголы с частицей *мэд*. Примеры: *н'и-алö колö, ачы-ныс м э д в ö·ч ö н ы* 'им надо, сами (они) пусть делают'; *мэ думайта, м э д н'иа й у·ö н ö, мы-нда н'а-лö тö-рас, мы-нда н'и-алö йу·с'ас* 'я думаю, пусть они пьют, сколько им влезет, сколько им пьется'; *ро·з'а чугу-нканас с'у·йан го·рö, м э д са ой у·з' а с сича·н'ын, м э д са п ö·ж с' ö* 'в чугунке с дырочками засунешь в печь, пусть он переночует там, пусть настоится'.

2. Значение кондиционала выражает частица *бы*. Примеры: *минам эм йу·пка, мыччы-лны колö бы* 'у меня есть юбка, надо бы показать'; *да мэн бы штöб бикö·б вунö·дны* 'да мне бы все забыть'; *штöбы пэмды-гэн мунны öткөнлö бан'аö, мэ н'и в жизн' бы эг мöд* 'чтобы в сумерки одной идти в баню, я ни в жизни бы не пошла'. Эта частица может употребляться также в значении 1) условного союза 'если' (комиЗ *кö*): *код бы вöлин дак, с'ыли бы* 'если бы пьяная была, спела бы'; *мэ бы вот эва ка·з'али дак, ог тöд, мый бы и вöчи, д'авöллö* 'если бы я его увидела, не знаю, что бы сделала, дьяволу'; 2) союза 'хоть' (комиЗ *кöт'*): *кыл-зыс'имö эд, öдд'өн кылзимö, кычö бы эз ыстö* 'слушались ведь, очень послушными были, куда хоть не отправляли'; 3) глагола со значением 'хотеть, желать' (комиЗ *кöс'йыны, мöдны*; комиП *мöдны*): *мыйтö бы мэ вот вис'тала, а назват' ог вэрмы* 'что-то хочу сказать, а назвать не могу'; *мамыс мэнö оз бы л'эз'* 'мама меня не хочет отпускать'.

3. Косвенную речь передают глаголы с частицей *д'э*: *ог д'э вэрмы о·с'ты-ны* 'не могу, мол, открыть'; *йö-лыд жо·дзис д'э* 'молоко, мол, скисло'.

3.2. Императив (повелительное наклонение)

Парадигма императива включает формы 1-го лица мн. числа и 2-го лица ед. и мн. числа.

Таблица 8

	единственное число		множественное число	
	положит.	отрицат.	положит.	отрицат.
1-е лицо			<i>мунам</i>	<i>ог мунö</i>
2-е лицо	<i>мун</i>	<i>эн мун</i>	<i>мунö</i> <i>мунöт'э</i>	<i>эн мунö</i> <i>эн мунöт'э</i>

Специфика верхнекамского императива заключается в контаминации исконного показателя и русского суффикса императива *-т'э/т'и* в формах 2-го лица мн. числа. Примеры: *нат'э ти, й у·ө т'э, мында тө·рас тийанлө, мында колө* 'возьмите вы, пейте, сколько влезет вам, сколько нужно'; *а·дэдзөт'и* 'найдите'; *дак кы·с кө т'э да в у·за лө т'э хөт'* 'дак заберите и продайте хоть'; *т'ат'а мыр ылө ка·йөма, р'а·ксөм, р'аксөм: эн пы·ш йө т'э, эн котөртө т'э, эн котөртө* 'отец на пень забрался, кричал, кричал: не убегайте, не бегите, не бегите'; *давайт'э чэ·ч чө т'э, с'о·й өт'э* 'давайте вставайте, ешьте'.

К императивным формам присоединяется либо вместо них используется заимствованная частица *айда·*. Примеры: *тшыкөдин — айда, давай л'э·чит* 'навел порчу — айда, давай лечи'; *айда мийан ордө д'э олны лок* 'айда к нам, мол, жить приходи'; *айда, мама, кора·сны* 'давай, мама, (пойдем) свататься'.

4.0. Категория способа глагольного действия

Функциональное предназначение данной категории — глагольная аспектуальность (Цыпанов 2005 : 27). В коми языке выделяются четыре способа глагольного действия (СГД): уменьшительный, регулярно-кратный, однократно-кратный и континуативно-многокомпонентный (Цыпанов 1998 : 10—11). В исследуемом идиоме представлены все данные типы:

1. Уменьшительный СГД с суффиксом *-ыш(т)* может выражать 1) малую продолжительность действия (с непереходными глаголами) или маломерное действие с незначительным результатом (с переходными глаголами): *у·з'ы ш т а мы·ндатө* 'посплю сколько-то'; *по литров с'эм да мый да в а й ы ш л и с* 'по литров семь приносил а'; *праз'ник кэжө дак мыс'а·кө о·мө'лик бра·шэчка в ө ч ы ш т а с ө* 'к празднику какую-нибудь бражку сделаю т немного'; *малө-малө с'о·й ы ш т а н* 'поешь немного'; 2) моментативное действие: *да са н'э·т ш ы ш т и с, да сьлөн сосыс вот эччө·з' ори·с* 'и он дернул резко, и у него рукав вот досюда оторвался'; *л'и·п ы ш т и н, и өни сийа водит* 'дотронулся, и он теперь водит'; *ва·чышти* 'ударил'; *пэ·рвөй раз гы·мы ш т а с, да колө д'э был'а·сны му куза уж, штобы д'э спина эз вис'* 'после первого грома нужно, говорят, кататься по земле, чтобы спина не болела'.

2. Регулярно-кратный СГД с суффиксом *-ылл*, имеющим значение 'время от времени': *-ылл: врэм'я вөлин дак, бригадаө в э·т лы л ли* 'если было время, в бригаду иногда ходил а'; *вот ми праз'ник'ийасын дак с'о рэм'а о·рсны в э·т лы л ли м ө* 'вот мы в праздники все время играть ходили'; *вот кор, ба·итөнө, пажар или мый дак, эта кол'к'ийас ч а·п к ы л л ө н ө, штобы погода мө·дөрө бэргө·дны* 'вот когда, говорят, пожар, эти яйца (пасхальные) бросают, чтобы ветер в другую сторону повернуть'.

3. Континуативно-многокомпонентный СГД с суффиксом *-ал* (алломорф *-а* встречается в формах I прошедшего времени при выпадении *л* в интервокальном положении), выражающим длительное (континуативное) либо многокомпонентное (немгновенное) действие: *өви·нийас вөлинө, л'он сэ·төн в а·р т а л и с ө* 'овины были, лен в них

м о л о т и л и'; *т'и-нтö ö-тик с' у·й а л ö снöпйас, и ми бэ·ргöдламö* 'кто-то один сует снопы, а мы крутим'; *в у·н ö ч ч а л а öни ö-д'д'өн дак* 'память у меня очень плохая стала [= з а б ы в а ю сейчас очень]'; *мэшöкйассö п ы·р т а и м ö* 'мешки з а н о с и л и'; *пö-рыс' йöзыс б а·и т а и с ö* 'пожилые люди г о в о р и л и (говаривали)'. Употребляется шире, чем в других коми диалектах: *мэ гортас о·мöл'а час у з'а·л н ы с ö понди, а йöзас мэ у з'а·л н ы с о г вэрмы* 'я дома сейчас плохо спать стала, а у чужих я спать не могу'; *а оз'жык жö бу-магаыд эз эд в ö л а л* 'а раньше же бумаги не б ы л о'.

4. Однократно-кратный СГД с показателем *-л, -ыл*. Базовые значения последнего — регулярно-кратный и однократно-рикошетный. Примеры: *к ы л л и дак и вэлали* 'с л ы ш а л и научился'; *па·ска, сэ·кöсти гы·ч ч а с' л и м ö* 'пасха, тогда к а ч а л и с'ь'; *сийа понды ли с по·коми то вэлöдны, öти тöл, наэрнö* 'он н а ч и н а л по·коми учить, одну зиму, наверно'; *дак эд ыб ылын с'о с'ы л л ы н ы* 'дак ведь на поле всегда п е л и'; *вот тай мийан клуб о·с' т ы л и с ö* 'вот у нас клуб о т к р ы в а л и'; *минам эм йу·пка, м ы ч ч ы·л н ы колö бы* 'у меня есть юбка, надо бы п о к а з а т ь'.

Показатели разных СГД могут дополнять друг друга и выступать в составе суффиксальных сочетаний: *а·дздылинö навэрнö эд, кыз' в а р т а л ы л л и с ö* 'видели, наверно, ведь, как м о л о т и л и'; *о·дзджык то эд по·русски с'ы·лисö вэс', и час с'ы л а л л ö н ы* 'раньше по·русски все п е л и, и сейчас п о ю т'; *быкö·бөн с' э·р ы ш л ы н ы* 'все п о с м е и в а ю т с я'; *ш у·ы ш л ö пö·рыс' йö·зыс* 'г о в о р я т иногда пожилые люди'; *зоро·дйас ч ö·л т а л л и с ö, стажа·рйас м ö·р т а л л и с ö* 'стога м е т а л и, стожары в б и в а л и'.

Моментативное действие выражают суффиксы *-нит*, реже *-öлт/-öлт* и *-öкт*: *с'ичас качи·кн'и т а с, у·с'а* 'сейчас к а ч н е т, упаду'; *т ö·л кн'и т и м ö, пö·рис* 'т о л к н у л и, упал'; *н ы·рн'и т и н, кал'·ча·вырвал, парашут па·с'калис* 'н ы р н у л, кольцо вырвал, парашют раскрылся'; *пуртöн ч э·р кн'и т а с ул* 'ножом ч е р к н е т ветку'; *да код вöин да ч э·ч ч ö л т и с* 'пьяный был и п р ы г н у л'; *н'ылöкталны* 'глотать'.

5.0. Категория залога

В пермском языкознании залог трактуется как грамматическая категория, выражающая отношение действия, обозначенного глаголом, к его объекту, выраженному прямым дополнением, и субъекту действия (СКЯ 229; КПА 262; ГСУЯ 224; Цыпанов 2005 : 180). В современных исследованиях выделяют три залога: активный, каузативный и рефлексивный (Цыпанов 2005 : 27, 177—243; ÖКК 261—283). Активный залог образуется от всех глагольных основ и не имеет специального залогового показателя.

Каузативные глаголы, субъект которых не совпадает с реальным производителем действия, в верхнекамском наречии образуются от глагольных основ с помощью суффикса *-öд*. Из трех грамматических значений каузатива, выделяемых в современном коми языке (двухобъектно-двусубъектное, однообъектно-двусубъектное, безобъектно-двусубъектное) (Цыпанов 2005 : 199), в верхнекамском наречии за-

фиксировано только одно — безобъектно-двусубъектное. Каузативная конструкция с безобъектно-двусубъектным значением состоит из подлежащего, выражающего каузатора, предиката и прямого объекта, в котором отражен субъект действия, обозначенного глагольной основой. При этом в контексте могут быть опущены и подлежащее, и прямое дополнение (Цыпанов 2005 : 205—207). Примеры: *а-сылын мама мийанӧс ч э ч ч ө д а с озь* 'утром мама нас поднимет рано'; *н'иа ш о-й ч ө д ө н ы вӧ-лийассӧ* 'они дают передышку лошадям'; *в о т т ө-д н ы у-зъны* 'уложить спать'; *мэнӧ пыза-н ылӧ п у-к с'ӧд и сӧ* 'меня на стол посадил'; *кру-шкан дрожжи ш у-з'ӧ д ы ш т а* 'в кружке дрожжам дать немного выродить'; *йо-на у-ж ө д и сӧ* 'много заставляли работать'.

С помощью каузативного суффикса *-ӧд* могут быть образованы глаголы активного залога, не имеющие семы каузативности. Показатели каузатива в таких глаголах выражают транзитивное значение. Примеры: *ӧпэт' в у-н ө д и*, *кы-тысь ти ту* 'опять забыл, откуда вы'; *мэн, мама, вӧн' динс'ыс ки-скайас о-р ө д* 'мне, мама, кисточки от пояса оторви'; *г'интӧ ӧтик с'у-йалӧ снӧйяс, и ми б э р г ө д л а м ө* 'кто-то один сует снопы, а мы крутим'; *пукала, пи-с'тикйас в э-с ө д а* 'сизу, хвощ чищу'; *картошкайас п у к с'ӧ д и м ө* 'картофель посадил'.

Рефлексив в исследуемом идиоме образуется, как и в других коми диалектах, от глагольных основ с помощью суффикса *-с(ы)* и его алломорфов *-ч(ы)*, *-з'(ы)*, а также форманта *-ас'*. Примеры: *кычӧ-ми-нам кӧзлу-шка по-нас о-ш с'ы н ы?* 'куда моя козочка будет деваться?'; *жугыс п ө-ш с'ӧ* 'мякина прееет'; *йамка динас г а р ь-ы с'и* 'возле ямки копался'; *русской г и ж с'а* 'русским записан (в паспорте)'; *палочкайас л'э б з'а сӧ* 'палочки улетят'; *мэ ошыс' п о-л з'и* 'я медведя испугался'; *в у-н ө ч ч а л а ӧни ӧд'ӧн дак* 'забываюсь теперь часто дак'; *а тожно и г и-ш с'и сӧ колхозӧ, кычӧ о-ш с'а сӧ* 'а затем записались в колхоз, куда денутся'; *эс' с'э ч ч ы лыстынысӧ* 'не давалась доить'; *кыс-ка с'и тӧкӧ, кӧ-рым да куйӧ-д кыскали* 'занималась подвозкой, навоз и корм возила'; *к о р а-с'н ы вэ-тлим ми* 'свататься ходили мы'; *сэ-кӧсти г ы-ч ч а с'л и м ө* 'в то время качались (на качелях)'; *вас'аыс эз и г ө-т р а с'л ы минам* 'Вася-то мой так и не женился'. Рефлексивные суффиксы в языке кировских пермяков, как и в коми-пермяцких диалектах, используются несколько шире, чем в коми-зырянских говорах: *машина с у л ч ч а с* 'машина остановится'; *тракторыс ж у-г а с'и с* 'трактор сломался'; *к о л з'а с ӧпэт' вэ-тлыны* 'придется опять сходить'; *ӧстал'нӧйӧс' ы б ылын к о т р а с'ӧ н ө* 'остальные на лугу бегают'.

В коми языке рефлексив имеет пять основных грамматических значений: медиальное, рефлексивное, реципрокное, имперсональное и пассивное (Цыпанов 2005 : 224—243). В верхнекамском наречии рефлексивные глаголы чаще всего используется в 1) медиальном: *ма-сл'эн'ича вэрма и-с л а с'и м ө* 'во время Масленицы катались'; *н'эм ог и ба-ит, ог в и-ч ч ы* 'ничего не говорю, не ругаюсь'; 2) рефлексивном: *м ы-с' с'а да стразу икона озӧ* 'у моюсь и сразу к иконе'; *а мыйӧн мэ тожно в ө-н'а с'а?* 'а чем я опоясаюсь?'; *пӧрч-*

ча·с'ны 'снимать обувь'; чöлта·с'ны 'раздеваться' и 3) реципрокном: ко·р-тö эшö а·д з д зы с' л а м 'когда-нибудь еще у в и д и м с я'; ми му-жиккöд к о·с' а с' л а м ö 'мы с мужем иногда д е р е м с я' значениях. Редко встречается пассивное значение: соксö собирали тожö, за-рава ш у·с' и с сийа '(березовый) сок тоже собирали, «зарава» н а з ы в а л с я он'; час эд кис'элыс спэциал'ной эм, в у·з а с' ö 'сейчас ведь кисель специальный есть, п р о д а е т с я'. Рефлексивные глаголы в имперсональном значении в исследуемом идиоме не зафиксированы.

Такова вкратце специфика грамматических категорий глагола и формальных средств их выражения в языке кировских пермяков. Анализ языкового материала позволяет заключить, что в системе грамматических категорий верхнекамского глагола произошли определенные изменения, обусловленные как внутрисистемным развитием, так и интенсивным влиянием русского языка.

Address

Svetlana Sazhina
Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre
E-mail: sazinass@rambler.ru

Сокращения

ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962; КПА — Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; ÖКК — Öния коми кыв. Морфология, Сыктывкар 2000; СКЯ — Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955.

Территориальные разновидности коми языка: лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка; нв. — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка; сс. — среднесыольский диалект коми-зырянского языка; южн. — южные коми-пермяцкие диалекты.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б а т а л о в а Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
— 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки), Москва.
К о л е г о в а Н. А., Б а р а к с а н о в Г. Г. 1980, Среднесыольский диалект коми языка, Москва.
Н е ч а е в Г. А. 1930, Характеристика зюздинского диалекта коми языка. — Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка, вып. 1, Сыктывкар, 7—27.
П о н а р я д о в В. В. 2002, Фрагмент исторической морфологии пермского глагола: категория лица, Сыктывкар.
П о н о м а р е в а Л. Г. 2002, Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск.
П о п о в а Р. П., С а ж и н а С. А. 2014, Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования), Сыктывкар.
С а ж и н а С. А. 2014, Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка. — Филологические исследования — 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках, Сыктывкар, 181—185.

- 2014а, Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия. — Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 3, Ч. 2., Тамбов, 172—174.
 - 2014б, Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса. — Вопросы финно-угорской филологии, Сыктывкар, 130—136.
 - 2016, Консонантизм языка кировских пермяков. — Сибирский филологический журнал, № 1, Новосибирск, 240—249.
 - 2016а, Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков. — Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, № 2 (12), Томск, 40—48.
- Ф е д о с е е в а Е. Н. 2008, Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми. — Ашмаринские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 188—192.
- 2008а, Лексические особенности языка кировских пермяков. — Дialectы и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Ижевск (Пермистика XII), 338—342.
 - 2010, К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики). — Материалы XXXIX Международной филологической конференции 15—20 марта 2010 г. Уралистика, Санкт-Петербург, 88—93.
 - 2015, Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка. — Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, Ижевск—Будапешт, 505—511.
- Ц ы п а н о в Е. А. 1998, Категория способа глагольного действия в коми языке, Сыктывкар.
- 2002, Грамматическая категория залога в коми языке, Сыктывкар.
 - 2005, Грамматические категории глагола в коми языке, Сыктывкар.